

Мы опять начинаем

О поражении и победе одной театральной студии

Подвал на улице Чапыгина, 1-а был разобран до основания и напоминка строительную площадку, где фронт работ только-только разворачивается. Годки примерно копаться,—осторожно заметил я,—при наших строительных темпах...
— Годки! — Олег Павлович Табаков

посмотрел на меня с сожалением. — Через две недели все будет готово. С двадцатого декабря — продажа билетов. Двадцать пятого — открытие театра.

Видно, прочтя сомненно, на моем лице, Табаков взял меня за руку, по каким-то шатающимся жардочкам вы-

вел во двор и с гордостью указал на две здоровенные трубы.

— Это трубы городского отопления, — назидательно сказал он. — Что надо сделать, чтобы их переместить! Ничего не надо, — уверенно ответил я, — потому что без толку, Город-

ское отопление где было, там и останется.

— Трубы проходили как раз через сцену, — назидательность в тоне собеседника возрастала, — теперь их оттуда уже вывели. Усилия для этого потребовались отнюдь не титанические. Все можно. Если надо для дела.

Не знаю, все ли, но проблему труб, оказывается, решить можно. И проблему капитальной перестройки театрального помещения — менее чем за месяц. И проблему создания новых театров: как уже сообщила пресса, их в Москве предполагается открыть семь. Причем это в основном коллективы, родившиеся естественно, творчески, спектаклями доказавшие право на существование. Театр-студия под руководством О. Табакова — один из них.

Но так было далеко не всегда. И у всех на памяти случаи, когда на пути живого дела, театрального или какого иного, нередко вырастал такой частоклок бюрократических преград, что каждый пустяковый вопрос приобретал масштабы едва ли не космические, глобальные, и вам сочувственно растолковывали: знаете, оно бы, наверное, неплохо, но вряд ли сейчас получится, много трудностей, много...

Что же в подобной ситуации происходило с живым делом?

Идея нового театра зародилась в 1974 году, когда Олег Табаков вместе с коллегами, в основном из «Современника», создали детскую театральную студию. Она стала основой курса в ГИТИСе, который был набран в 1976 году и окончил институт в 1980-м. За время учебы идея нового театра приобретала реальные, конкретные очертания. К выпуску был подготовлен репертуар, состоявший из шести названий. Эти спектакли тогда посмотрели многие, и мнение театральной общественности было единодушным: родился интересный творческий организм, ему надо помочь оформиться организационно.

К сожалению, этого не было сделано. Некоторые ответственные деятели органов культуры рассудили так, что мнение общественности, прессы им не указ. Лучше решить между собой, келейно и, конечно же, отрицательно; за это никто не спросит, а откроешь новый театр — не обещался потом хлопот. И репертуар какой-то странной...

— А что дальше было?
— Дальше было трудно и плохо, — говорит Табаков. — Ребятам предстояло искать работу. Тут, впрочем, сложностей не возникало: выпускников буквально расхватывали московские театры, сразу же последовали предложения сниматься в кино. Но горько то, что молодым людям, только вступающим в жизнь, был преподан наглядный урок: не лезьте, не высовывайтесь, живите в проторенной колеи... Сегодня, когда театральное обновление становится фактом реальным, наибольшую творческую, гражданскую активность проявляют художники нашего поколения, а ружья молодежи пока мало что сделано. А почему?

— Наверное, потому, что горькие уроки, подобные только что упомянутому, получили слишком многие...
— Что же скрывать, получили. И отнюдь не единицами исчисляется количество тех, для кого нормой стало существование применительно к обстоятельствам. Это большая нравственная, человеческая потеря, одна из самых больших за последние десять—пятнадцать лет... Но только не все приняло упомянутую норму, нет, не все.

И подумалось о том, что никакие сдвиги на трудности времени конформистской позиции не оправдывают. Потому что хотя бы, что во все времена

существовали люди, которые выбивались из колеи.

Подвал на улице Чапыгина, 1-а был предоставлен в распоряжение студии Бауманским райкомом партии в 1977 году. Новый театр формировался, и крепились надежды, что он будет. Но вот что знаменательно: когда открытие театра не состоялось, когда студия по сути появилась в воздухе, не имея никаких прав, в том числе, разумеется, права на помещение, товарищи из райкома позаботились, чтобы подвал у Табакова и его учеников не отвалил. Хотя покушение было. Бауманский райком сделал все от него зависящее, чтобы творческая жизнь на улице Чапыгина, 1-а не прерывалась.

А расставалась студия делала все, что зависело от нее. То есть она по существу не распалась. Все шесть трудных лет после неудачи в восьмидесятом студия как коллектив единомышленников фактически существовала, жила. Актеры, много занятые и в своих театрах, и в кинематографе, находили возможность сохранять репертуар, играть спектакли — понятно, в свободное от основной работы время и задаром. Они собирались в подвале, который продолжали считать своим, и не обрывалась, тянувшись ниточка, связывающая их с педагогами и друг с другом. Чинюнки, не давшие хода новому театральному делу, видимо, предполагали, что все прекратится само собой. Этого не произошло. Не зная, когда и на что конкретно можно рассчитывать, педагог тем не менее чувствовал ответственность за своих учеников. Табаков не признал поражения и студийцам не дал прийти к выводу, что справедливость бессильна. А между тем

ж его многочисленным занятиям прибавилось еще одно: Табаков набрал в ГИТИСе новый курс. И все повторилось. Четыре года учебы, на протяжении которых создавался репертуар, формировалась идея нового театра. Показ спектаклей в переполненном зале, статьи в прессе, добродетельный интерес театральной общественности. Только на дворе был уже 1986 год. Решение о создании нового, одного из новых театров было принято...

— Кто же помог, кто вмешался? — спрашиваю у Табакова.

— Московский горком партии помог. Олег Ефремов помог. Но больше всего, наверное, помогло время. Вдруг стало ясно, что можно, оказывается, не «пробавлять», не стучаться головой о стенку, а просто хорошо, качественно работать, и тогда будет доверие, помощь и будет осуществление надежд...

— А кто составит труппу театра?

— Два моих гитисовских курса. Из того, первого, более половины приходит в театр-студию. Оставили солидные столичные театры — притом что судьбы складывались вполне благополучно — Сергей Газаров, Александр Марин, Игорь Нефедов, Михаил Хомиков... Известные уже артисты, можно сказать, а в подвал вернулись по первому зову. Впрочем, что значит — вернулись? Они и не расставались с ним.

Не расставались... А ведь шесть лет — это жизненный срок, многое устанавливается, образуется, входит в привычку. Табаков научил своих студентов профессии. Но и этому вернул: не слепому, не рабскому отношению к колее.

— Ты вот сказал: Ефремов помог. В чем это выразилось?

— Поверил в нас. Убедил, выступал, доказывал. Но и еще было нечто... Нравственный пример человека, художника, который не мирился с неблагоприятными обстоятельствами, я умел влиять на них, менять к лучшему. Не будь Ефремова, не будь «Современника», сама мысль о новом театре-студии у меня, наверное, не родилась бы. Но перед глазами — весь ефремовский путь, начиная с 1956 года. «Современник», который по существу оказался студией МХАТ. И сам МХАТ, где у Олега Николаевича, как, впрочем, и в «Современнике», бывали очень трудные времена. Но не поддался, не согласился, сделал то, что сделал, и сделанное говорит само за себя. Значит, можно? И всегда было можно? Вот откуда тянется ниточка, которая связала меня с моими учениками.

— Ты — артист МХАТ, с недавних пор — ректор Школы-студии МХАТ. А теперь еще — директор и главный режиссер театра-студии. Обязанностей не многовато ли?

— Много, конечно. Но если время дает возможность работать, отдавать все, что можешь отдать, — как этой возможностью не воспользоваться? И потом: каждая из новых обязанностей — продолжение предыдущей, все неразрывно связано. В основе моих занятий со студентами всегда были мхатовские принципы, мхатовские традиции. И новый театр-студия, конечно же, будет строиться на этих принципах, этих традициях.

Способность не сломиться, способность выстоять... Вот о чем думаю прежде всего, обращаюсь к истории поражения и победы табаконской студии. И на это хотелось бы

обратить внимание тех, кто ожестился на первых трудностях, предпочитает уйти в сторону, искать причины неудач всегда только в обстоятельствах и никогда — в себе самом. Но не забудем и о другой стороне дела. О том, что на протяжении десяти лет творческий потенциал художников, убедительно доказавших свою творческую состоятельность, использовался не полностью, разбазаривался по существу говоря. Что не сделаны спектакли, которые могли быть сделаны, не сыграны роли, которые должны были быть сыграны. И пора, наверное, поставить дело так, чтобы позиция, согласно которой удобнее запретить, а то как бы чего не вышло, — чтобы такая позиция подлежала не только общественному осуждению, чтобы за нее кто-то официально нес ответственность.

— Здесь будет стена, — говорил Олег Табаков, показывая в темное пространство развороченного подвала, — напряги фантазию, представь.

— Представил. Ведь это не та стена, которую надо пробивать головой, правда?

— Нет, это совсем другая стена. Уютная такая, красивая, белая, на которой гости театра, если у них возникнет желание, смогут что-нибудь написать нам на память. Первая настенная надпись будет моей, думаю, что я имею на это право. Знаешь, что я напишу? И напишу так: «Мы опять начинаем».

Хорошо, что у Табакова и его учеников хватило на это сил. И давайте позаботимся о том, чтобы художники, энтузиасты, владеющие профессиональными и захватывающими идеями, начинали не «опять». Чтобы они просто — начинали.

Константин ШЕРБАКОВ.